

С. С. ЛАЗАРЯН

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ (1817–1864 гг.)

В статье Кавказская война XIX века трактуется не столько как поле брани, на котором Россия и горские народы Кавказа противостояли друг другу, но, прежде всего, как особое пространство межкультурной коммуникации, принимавшей ту или иную форму, обусловленную местными обстоятельствами.

Ключевые слова: *Кавказская война, коммуникация, социокультурное пространство, Россия, горские общества, этнокультурные контакты, диалог, заимствования.*

В продолжающейся сегодня полемике вокруг сущности и последствий Кавказской войны мало кто замечает, что «Кавказская война – это не сплошная цепь сражений, растянувшаяся на многие десятилетия. Это еще и сложная история жизни людей разных племен и культур на протяженном и весьма условном стыке между русским и кавказским миром», жизнь, «наполненная самыми разнообразными проявлениями человеческих отношений»¹. В этой связи следует согласиться с Я.А. Гординым, утверждающим, что складывавшееся социально-культурное пространство Кавказской войны «было пространством парадоксальным, не сводившимся только к жестокости и взаимной ненависти»².

Кавказская война, помимо собственно военных проявлений, одновременно сделалась своеобразным способом взаимодействия и познания противоборствующих сторон. Она предлагала её участникам (на выбор), элементы межкультурного взаимодействия, которыми были военные акции (экспедиции и набеги), плен, аманаты, торговля пленными, кавказские милиции, постой войск в горских аулах, русские крепости и города, преобразования окружающих ландшафтов посредством экономической деятельности колонистов, кардинальные перемены в способах невоенного существования. Война принуждала людей к разнообразному диалогу на самых причудливых площадках, где бы только и в какой бы только форме он не возникал.

Мир Кавказа, все горские общества не могли избежать взаимодействия с миром России, который начиная с XVIII в. активно врывается в их географическое и социокультурное пространство на протяжении длительного времени. Привносимые Россией в горскую среду новации вызывали там определенное культурное напряжение, иногда даже куль-

---

¹ Дегоев 2001. С.242.

² Гордин 2008. С.110.

турный шок, так как не укладывались в привычные для горцев условия существования. Поскольку культурные факторы горских обществ, детерминировавшие характер и формы межэтнических отношений, определялись особенностями своего генезиса и находились в сфере координат традиции, то всякая инновация, исходившая извне, из-за пределов традиции, способна была подорвать устоявшуюся повседневность с её целеполаганием, или же значительно осложнить её реализацию.

Традиционалистские этнические общества менее предрасположены к восприятию инокультурных артефактов и смыслов, чем общества открытого типа. Традиционалисты замыкаются в собственной культурной гомогенности и этнических предубеждениях, отторгая все чужеродное. Большинство горских обществ Северного Кавказа формировались и существовали в закрытой социокультурной парадигме, а потому настороженно встречали все инновации, вторгавшиеся в их мир помимо их воли. Война сама по себе не была новым и исключительным явлением для кавказских горских сообществ, развивавшихся на протяжении многих веков в рамках милитарных смыслов военизированного быта. Скорее, война как повседневность была чрезвычайным фактором для мира России. В этой связи определенный культурный шок, распространявшийся в имперской невоенной среде, вынужденной искать приемлемые формы сосуществования с горскими сообществами, на некоторое время стал частью повседневных переживаний. С другой стороны, в силу ограниченности ресурсов и своей исторической локальности, большинство архаических обществ Кавказа не могли остановить культурной экспансии со стороны России, но отчаянно сопротивлялись, противопоставляя силе модерна трудносокрушимую силу традиции. Что же касается общества имперской России, то его необходимо причислять к обществам, направленным на освоение инокультурных и географических пространств, сходным с активизмом открытых обществ европейского модерна.

Диалоговая ситуация, в которой происходит конкретная межэтническая коммуникация, определяется стечением обстоятельств в экономической, политической и социальной сферах, состоянием климатических условий, состоянием окружающего географического пространства, характером ландшафтов, влияя на актуальность восприятия окружающей обстановки, «усиливая или ослабляя межэтническую солидарность и этнокультурные контакты»³. Перечисленные факторы межэтнической коммуникации приводят к различным для взаимодействующих этносов результатам: простым количественным изменениям, не затрагивающим

---

³ Садохин 2001. С. 208.

сущностные основания этнической культуры, либо к глубоким структурным сдвигам в ней. Поэтому результативность межкультурных контактов предопределяется, как степенью силы натиска, так и степенью силы сопротивления разнохарактерных по своим парадигмальным устройствам и направленности развития этническим сообществам.

Кроме того, в пространстве кавказского мира помимо российского модернизационного проекта действовал исламский проект, который внедрялся имамом, сумевшим до определенной степени и на продолжительное время убедить кавказские горские народы в своей способности защитить их традиционность и выступить культурной альтернативой российским преобразовательным усилиям. И хотя исламская культурная парадигма не сразу и повсеместно была принята в качестве нового ресурса в противостоянии с российской имперской структурой (это особенно касалось этнических обществ северо-западной части Кавказа), её императивная природа, основанная на универсализме традиционного типа, способствовала укоренению в культурном поле горских обществ. Тем более что на определенном этапе военного и социокультурного противостояния с Российской империей у горских этнических сообществ не осталось иных аргументов.

При взаимодействии культуры вступают друг с другом в сложные отношения, обнаруживая каждая из них свою самобытность и специфику. Одновременно и неизбежно происходят культурные заимствования, обуславливающие изменения социокультурных форм существования, вынуждая приспособляться, осваивать и использовать новые элементы в каждодневной жизни, т.е. происходит процесс аккультурации⁴. Аккультурация как результат длительного контакта горских этнических сообществ и России, представлявших разные культуры, стала выражаться в изменениях исходных культурных моделей, которыми оперировали стороны до начала культурной коммуникации.

Реалии жизни предлагали свой сценарий развития той или иной ситуации. Горские князья и уздени, вообще горцы всех сословий от частых столкновений с русскими не только в местах вооруженного противостояния, но и во всех иных обстоятельствах, многое стали заимствовать у них, хотя первоначально заимствованиям подвергались самые простые и поверхностные элементы инокультурных проявлений.

Так, горцы полюбили чай: узнав его у кунаков, первоначально не понимали его вкуса, потом, привыкнув к нему, обзавелись собственным, а затем втянулись настолько, что уже не уступали русским в любви к

---

⁴ Садохин 2004. С.115.

нему. Отдельные князья и уздени, в подражание русским, пили чай из самоваров с большой важностью. Они стали даже обижаться на своих соплеменников, когда, бывая в гостях, не получали по этому случаю чаю⁵. Другим элементом воздействия была водка. Как отмечал Ф. Юхотников, «этот элемент привился только к высшему сословию, а низшее, несмотря на близость станиц к аулам, на возможность во всякое время посещать их, <...> воздерживается от неё»⁶. Третьим элементом заимствования стали карточные игры. Карты так удачно привились горцам, прежде всего, богатым и именитым, что «иной из них мечет направо и налево, как будто по призванию»⁷. Игра в карты стала обыденностью и для так называемых хищников, которые, по возвращении из своего ночного промысла, коротали свободное время за картами.

Все перечисленные три элемента, составлявшие оттенки российской культурной жизни, в кавказских условиях выходили на передний край повседневного существования в крепостях и других населенных русскими местах. Офицеры в свободное от служебных обязанностей время обычно коротали свой досуг за зелеными столами и попойками. Было также обыкновенным метать банк, не вставая из-за стола, целую ночь до самого утра. Потом утром – на ученье, а с ученья опять доигрывать до обеда, а после – снова за карты, поскольку развлечений, кроме карт, не было или не находили⁸. Поэтому горцам бросалась в глаза эта нехитрая сторона русской жизни, из-за своей повсеместности воспринимавшаяся как характеристика всего русского. На самом деле эта сторона жизни русской среды была не столько русской, сколько способом существования русских в условиях однообразных будней военного времени. В горской среде было распространено мнение о присущей русским распущенности нравов потому, что они могли наблюдать только особый тип русских людей – кавказских военных, среди которых находилось немало пройдох и людей, сосланных на перевоспитание за разнородные прегрешения. Но иной России и других русских горские жители не могли узнать в силу своей отдаленности и вынужденному общению с периферийными проявлениями русского мира, который из-за своей пограничности сделался не совсем русским, хотя продолжал называться таковым.

Неожиданной формой и способом русско-кавказского взаимодействия сделались горские и вообще кавказские милиции, которые организовывались военными властями Кавказской армии или были инициати-

---

⁵ Там же. С. 30-31.

⁶ Там же. С. 31.

⁷ Там же. С. 32.

⁸ Новикова-Зарина 2011. С. 33.

вами местных владетельных князей⁹. Они существовали на всем протяжении Кавказской войны. При М.С. Воронцове горские милиции участвовали в Даргинском походе¹⁰, при штурме аулов Салты и Гергебиль и во всех иных мероприятиях военного или полувоенного характера¹¹. Они создавались и за Кавказом из местных народов Грузии или населения мусульманских провинций. Милицейские формирования, хорошо знакомые с природой и ландшафтом края, с нравами местных народов, были не только хорошими помощниками русским в качестве проводников, разведчиков, конвоев, дорожной стражи, участников военных экспедиций, но в наибольшей мере соответствовали местным традициям. В русской военной среде бытовало различное отношение к кавказским милициям, но неизменно милиционеры оставались при войсках в большом ходу, составляя постоянные или временные формирования¹².

Между кавказскими милиционерами и русскими шел постоянный диалог, формы которого определялись специфическими условиями военного быта и военной мужской среды, с их по большей части неписаными правилами. Стороны настороженно всматривались друг в друга, вольно или невольно комментировали все поступки и действия, так или иначе передававшие социокультурную природу собиравшихся там людей. Между милиционерами и войсками возникал естественный обмен способами ведения войны, происходила демонстрация военного искусства, обычаев, мировоззрения и моральных устоев. Сосуществуя рядом, они пристально и пристрастно изучали друг друга, будучи представителями двух разных миров и культур, даже цивилизаций, которые силою обстоятельств обязаны были сожительствовать. Ничего не ускользало из поля зрения, и всему выносилась оценка, формировалось отношение. Русский и кавказский миры в данном ракурсе сближались с наибольшей прямоотой, когда все качества, присущие каждой стороне, проявлялись наиболее выпукло и без всевозможных украшательств, хотя и односторонне, поскольку реализовывались в экстраординарных обстоятельствах военного быта. Здесь стороны привыкали друг к другу, притирались и приучались слушать и понимать друг друга, перенимали повадки и те или иные черты, становившиеся их достоянием, новым опытом, постепенно, вкраплениями, изменявшими прежние устои. Так, присутствие кавказских милиций не только само по себе придавало русским войскам чрезвычайно своеобразный вид, но и наполняло сами действия русских

⁹ Лапин 2008. С. 337-339; Зиссерман 1879. С.62.

¹⁰ Бенкендорф 2000. С. 258.

¹¹ Шамиль ставленник султанской Турции... С. 536-537.

¹² Ольшевский 2003. С. 336-337.

ориентальными мотивами. Например, кавказские милиционеры нещадно резали сдававшихся в плен, особенно когда имели с противниками особые счёты¹³. Русские постепенно переняли от милиционеров эту привычку и после того, как обнаруживали случаи жестоких расправ над пленными и ранеными солдатами, совершенными непримиримыми горцами, ожесточались и не оставались в долгу.

«Русское завоевание Кавказа сопровождалось страстной увлеченностью завоеванным краем»¹⁴, отчасти даже культурно-психологическим слиянием с ним. Русские люди (дворяне и крестьяне, все по-своему) любили Кавказ – не горцев, полных ненависти к русским и отчаянно борющихся против незваных пришельцев. Русские любили Кавказ, потому что там они становились другими. Там кардинально переменалась их жизнь, мировосприятие, жизненные установки, а привычные понятия российского социума наполнялись иным, первозданным смыслом, который был утерян в суете светского существования среди дворян или растворился из-за социальной несправедливости в крепостнических основаниях крестьянского бытия. На Кавказе люди приобретали свободу, как состояние социального бытия, так и состояния духа. Как свидетельствовал князь К.К. Бенкендорф: «Страна, подобная Кавказу, где место, занимаемое человеком – ничто, а сам человек – всё; страна, в которой, если для успеха движения не хватает общего импульса, то на помощь является добровольное и просвещенное содействие целой плеяды личностей; такая страна облагораживает человека, отдавшего ей душу и телом»¹⁵. По мнению Я.А. Гордина, «неудовлетворенному дворянскому сознанию Кавказ не просто как географическое и этнографическое, но и как метафизическое явление давал возможность ощутить бытийную полноту»¹⁶.

Кавказ рождал даже особую породу русских людей – кавказцев, которые росли в атмосфере нравственной самостоятельности и в живом деле вечной войны, требующем независимости, сметки и решительности. В этой самостоятельности и решительности заключался «ключ к успеху во всякого рода практических делах. А тем более в таком практическом и живом деле как война, да еще и народная». Кавказцы составляли особую «партию», а, скорее всего, некое негласное и естественное содружество лиц и массы, основанием которого являлось «глубокое знание края и любовь к нему»¹⁷.

¹³ Лапин 2008. С. 267; Акты... 1866. С. 168-169.

¹⁴ Гордин 2008. С. 35.

¹⁵ Бенкендорф 2000. С. 364.

¹⁶ Гордин 2008. С. 44.

¹⁷ Бенкендорф 2000. С. 364.

Одним из простейших признаков слиянности русских людей с Кавказом было их «подражание горцам в одежде, становившееся естественным обычаем»¹⁸. Солдаты и офицеры по собственной инициативе, получив первый опыт войны и жизни в кавказских условиях, вносили изменения в свою форму, мало приспособленную для Кавказа. Офицеры спешили приобрести себе бурку и меняли казенную шпагу, мало пригодную для настоящего боя, на кавказский клинок¹⁹. Некоторые из них даже форменный сюртук заменяли черкеской²⁰.

Помимо русских дворян кавказские казаки также не оставались в стороне от культурного влияния горских народов, тем более что имели много выходцев оттуда в своей среде²¹. Прежде всего, это влияние также проявлялось в одежде. Например, кабардинская одежда, первоначально заимствованная казаками стихийно, через некоторое время в силу её удобства и приспособленности к кавказскому военному быту, стала форменной одеждой казачьих войск²². Современные наблюдатели отмечали, что «приняв за образец боевое снаряжение от горцев, наше кавказское казачество, находясь при одинаковых военных потребностях с своими соседями <...> не отставало от них в военных стремлениях, так и в исправности своего боевого снаряжения. Щегольство лошадьми, одеждою, сбруею и оружием у казаков дошло, наконец, до того, что они в этом отношении перещегооляли черкесов»²³. Лошади, на которых воевали кавказские казаки, большей частью были кабардинской породы, считавшейся лучшей на Кавказе. Посадка казака на лошади была совершенно горской, а потому его трудно было отличить издали от кабардинца²⁴. Линейные казаки переняли у горцев джигитовку, удалство и блестящую храбрость²⁵ и, как отмечал внимательный наблюдатель, «казак линейский по-чеченски шашкою огонь вырубает и всегда наперед скачет»²⁶.

Очень скоро среди кавказских солдат и казаков утвердился обычай, заимствованный ими из горских нравов: считать самым большим позором оставлять в руках врагов тела убитых товарищей. С большим укором встречали в войсках части, «не выручившие своих убитых и раненых»²⁷.

---

¹⁸ Гордин 2008. С. 36.

¹⁹ Аноев 1877. С. 406.

²⁰ Каченовский 1863. С. 168.

²¹ Обзор иррегулярных войск в Российской империи. С. 337.

²² Вилинбахов 1982. С. 240-241; Захарьин 1902. С. 289.

²³ Арнольди 1890. С. 8.

²⁴ Беляев 1881. С. 24.

²⁵ Вилинбахов 1982. С. 242; Филипсон 1883. С. 198.

²⁶ Грибоедов 1971. С. 169.

²⁷ Дондуков-Корсаков 2000. С. 424.

Кроме того, в кавказских войсках утвердилось куначество между подразделениями разных полков. Князь А.М. Дондуков-Корсаков вспоминал, что когда часть кунаков проходила через расположение другого полка, то по обыкновению каждая рота или эскадрон угощали соответствующую кунацкую часть, выкатывали баки, кормили на свой счет артельных лошадей, снабжали кунаков капустой, салом, луком. Такое боевое братство поддерживалось не только между солдатами кунацких полков, но и среди офицеров этих полков; «отношения эти составляли одну из самых дорогих и теплых связей кавказцев»²⁸.

Кавказ был принципиально иным миром для русских. Чтобы принять и понять, чтобы впустить Кавказ в себя, русскому человеку необходимо было отойти на некоторое расстояние от мира России. Дистанция такого удаления и определяла близость к Кавказу. Казаки стояли в этом отношении к кавказскому миру гораздо ближе, чем другие русские. Кавказские военные ближе, чем жители русских губерний.

Для обеих сторон особым средством поддержания отношений и своеобразной местной формой прибыльного бизнеса был обмен пленными. Война между непримиримыми сторонами неизбежно порождала плен как обычное явление всякой войны, но в кавказских условиях плен часто служил «основною задачею войны, её конечною целью, как добыча, как своего рода вознаграждение за военное предприятие, риск»²⁹, прежде всего для горских удальцов. Пожива пленными, например, у черкесов, чеченцев, лезгин и многих других горских кавказских обществ «была одновременно явлением историческим и бытовым. <...> Пленника, ясыря можно было продать, купить и обратить в раба, в рабочую силу»³⁰.

Русским приходилось считаться с таким подходом горцев к пленным. Несмотря на то, что война диктовала свои правила в отношениях между противниками, требуя око за око, ей также принадлежал обычай: «возьми твое и отдай мое». Исходя из последнего обычая, были возможны контакты, в результате которых обратно, к своим, пленные могли попадать посредством выкупа, обмена или побега. Как свидетельствовал Ф.А. Щербина, «у русских самым распространенным способом был выкуп, затем следовал обмен и побег», в то время как горцы «чаще всего шли на обмен, реже на выкуп и меньше всего на побег. Они не уходили из плена как по тому, что трудно было бежать из тюрьмы или крепости, так и потому, что русский плен не был рабством»³¹.

---

²⁸ Там же. С. 419.

²⁹ Щербина 1913. С. 517.

³⁰ Там же. С. 518.

³¹ Там же.

Пленных чужаков обменивали на своих людей, на тела погибших в бою товарищей, на скот, на соль или другие товары, в том числе, на оружие или порох. С обеих сторон имелись для этого специальные агенты. Чаще всего ими были армянские купцы, имевшие в горах кунаков. За это они получали свой процент, а от российского командования именные серебряные медали, которые они очень ценили. Российской стороной выкуп пленных производился за счет войсковых сумм, благотворительных сборов или за счет родственников плененного³².

Русские колонисты, солдаты или казаки были для горских удальцов более желанной целью, нежели горцы-соседи, поскольку это позволяло избегать неизбежного последствия – кровомщения. Среди горцев по обычаям их «все члены каждого семейства обязаны защищать друг друга от врагов и мстить за кровь ближнего»³³. Так, уводы одиночных людей в плен из Кахетии или с Кавказской линии были явлением обыденным. Горцы превратили это занятие в важную статью дохода, получая за пленных значительные деньги³⁴. Молодых женщин, мужчин, детей обоего пола сбывали в Турцию, Египет, Аравию. Благодаря тому, что пленник имел определенную цену рыночного товара, пленных можно было относительно легко выкупить из горского плена, были бы для этого средства или товары, необходимые горцам. После пленения в русские крепости или станицы посылали лазутчиков с предложением о выкупе и сообщали запрашиваемую цену. Потом ждали ответного лазутчика с условиями обмена и деньгами. За казачью старшину, офицеров или членов их семей требовали гораздо большую цену, чем за рядовых солдат или казаков³⁵.

Такой же торговой тактики придерживалась и русская сторона. Русские плененных черкесских князей, дворян и известных наездников оценивали по более высоким ценам, чем рядовых горцев и членов их семей. В то же время «ловкие черкесские воры ценились дороже, чем честные и невороватые горцы»³⁶.

Возвратившихся из плена солдат или казаков не всегда дома ждала теплая встреча, особенно тех, кто нарушал правила военной службы и не подчинялся требованиям дисциплины. Их командиры приказывали пороть возвращенцев палками или нагайками перед строем, чтобы те самовольно не отлучались из подразделений и не становились добычей горских «хищников». Ф.А. Щербина свидетельствовал: «Эта родитель-

---

³² Лапин 2008. С. 268-269.

³³ Анучин 2011. С. 26.

³⁴ Зиссерман 1879. С. 139.

³⁵ Новикова-Зарина 2011. С. 60-64.

³⁶ Щербина 1913. С. 519.

ская мера отцов командиров практиковалась часто»³⁷. Но дальше всех в этом отношении заходил генерал А.П. Ермолов: «Он возвел плен в преступление и карал за это преступление не только тех, кто попадал в плен, а и те семьи, от которых были отторгнуты пленники»³⁸. Грозный генерал строжайше запрещал им выкупать своих родственников и членов семьи, чтобы не поощрять охоты на людей и пленопродавства, превратившегося в систему. Строгие запреты, однако, не исполнялись, и выкупы людей продолжались до самого конца войны, в том числе среди нарушителей был известный на Кубани генерал Г.Х. Засс, который в разное время выкупил и выменял у черкесов 424 русских пленных³⁹. Кавказские власти пытались вразумлять горцев и требовали прекратить торговлю пленными, время от времени, собирая в крепостях влиятельных среди горцев людей или тех, кто был, так или иначе, связан с похитителями. Им грозили карами и разорением аулов. Вразумлениям, однако, мало внимали.

Отдельной стороной русского плена являлись аманаты (заложенники), бывшие обыденной повседневностью кавказской действительности на протяжении всего периода Кавказской войны. Институт аманатства был заимствован русскими у горцев, которые пользовались им испокон веку. Сотни аманатов находились у имама Шамиля. Обычай брать аманатов стал частью политической практики в отношениях российских властей с непокорными горскими обществами. Аманатов выдавали на определенный срок в знак гарантии достигнутых между сторонами политических договоренностей. Аманатами чаще всего были дети или родственники горских князей, старшин или ногайских мурз. Самым знаменитым аманатом был сын имама Шамиля Джамал Эддин. Они обладали в кавказской среде высоким статусом в силу своего происхождения и родовой принадлежности. Им полагалось оказывать особые знаки внимания. В инструкциях, даваемых комендантам крепостей, в которых содержались аманаты, предписывалось: «Обходиться с ними осмотрительно, осторожно, справедливо, приветливо, с умеренною ласкою, но не раболепно»⁴⁰. Но предписания и реальная практика разнились. Содержание аманатов обходилось казне недешево и менялось с учетом политической конъюнктуры. Если горские владельцы нарушали договоренности, расходы на содержание аманатов снижались. В то же время сами расходы не всегда были достаточными для поддержания жизни аманатов на должном уровне, осо-

---

³⁷ Там же. С. 521.

³⁸ Там же. С. 529-530.

³⁹ Там же. С. 530.

⁴⁰ Нефляшева Наима 1927.

бенно в первые десятилетия этой практики. Экономия, точнее ненужная скупость, давая ничтожную выгоду казне, по мнению барона Г.В. Розена, много вредила «мерам, принимаемым к покорению горцев»⁴¹.

Дети-аманаты, терпя голод и холод, пренебрежение и грубости от своих надзирателей, уносили с собой самые неприятные впечатления о времени, «так сказать, выстраданном на русской стороне»⁴², которые вместе с их взрослением только усиливались, и которые трудно впоследствии было изгладить из их памяти. Некоторые из аманатов находились среди русских от 13 до 20 лет. Их численность постоянно изменялась, что было связано с политической ситуацией в той или иной части Северного Кавказа. Число аманатов всегда возрастало после русских экспедиций в горы. После взятия непокорных аулов почти всегда были пленные, которых, по возвращении экспедиции в русские пределы, сортировали согласно установившегося опытом порядка. Взрослых мужчин, т.е. старше 20 лет, причисляли без всякого разбора к мюридам и отсылали в арестантские роты сроком на 10 лет, поскольку по имперским понятиям, степень их преступления была одинакова. Пленных, не достигших двадцатилетнего возраста, отсылали в батальоны военных кантонистов⁴³.

В 1840–1850-е гг. положение аманатов стало постепенно меняться. Князь М.С. Воронцов видел в них возможных агентов русского влияния в горских элитах. По его предписаниям местные начальники, в ведении которых были аманаты, стали стараться прививать им элементы российской культуры, передавая их на воспитание в полки, или отправляли в военные училища. Такое обучение не слишком отрывало горских детей от привычной для них культурной среды, полной милитаристских мотивов, позволяло в полной мере развивать их природные и культурные задатки к пользе российских властей и не препятствовало их личностной самореализации. Кавказские власти стали осознавать ту реальную политическую и культурную выгоду, которую можно было извлечь от пребывания аманатов среди русских. В крепостях гораздо шире, чем прежде, стали создавать условия для обучения аманатов, а если не удавалось там открывать школу, отправляли аманатов по городам. Аманатские школы были во Владикавказе, Георгиевске, Гори, Дербенте, Ейске, Екатеринодаре, Кизляре, Моздоке, Нальчике, Тифлисе. Горских детей учили говорить, читать и писать по-русски. Многие из них выказывали сметливость и быстро осваивали предлагаемые науки. Овладев русским языком, бывшие

---

⁴¹ АКАК. 1881. С. 651.

⁴² Там же.

⁴³ РГВИА. Ф.13454. Оп. 2. Д. 638. Л. 1-3.

аманаты становились переводчиками, некоторая часть из них продолжала обучение в частных пансионах, гимназиях, кадетских корпусах.

Первый транспорт с малолетними уроженцами Кавказа был направлен в Петербург в 1830 г. С тех пор ежегодно направлялось туда до 30-ти горских детей-аманатов⁴⁴. Российские власти были заинтересованы, чтобы наиболее знаковые для Кавказа аманаты были представлены на русской службе и делали бы там успешную карьеру. Таким аманатом был первый русский генерал из осетин Асланбек Туганов, он воспитывался в семье русского офицера и стал впоследствии командиром собственного Его Императорского Величества Конвоя в Петербурге. Аманатом был и прославленный на Кавказе генерал Мусса Кундухов⁴⁵, а сын Шамиля Джемал Эддин находился в сфере внимания самого императора Николая I, который часто заходил в Александровский кадетский корпус, где тот был воспитанником. Вместе с Джемал Эджином обучались дети горских старшин Аважуко Тулатов, Уруспи Алдатов, Амза Махтиев⁴⁶.

Кавказская действительность предьявляла также как способ своеобразной коммуникации – набег. Дм. Анучин подразделял набеги черкесов на территории, находившиеся под контролем русских, на два вида: «для хищничества и большие военные предприятия против станиц или укреплений, а иногда и селений, лежащих даже за передовыми линиями». Для «хищничества» собиралось несколько смельчаков, которые под предводительством вожака, хорошо знавшего местность, переправлялись через Лабу или Кубань, таились в камышах, выжидая по нескольку дней «оплошных прохожих и проезжих»⁴⁷. Чаще всего в «хищничества» отправлялись те из черкесов, которые не любили работать и получали главную наживу от таких предприятий. Они могли проводить в засаде по нескольку дней, «переноса с удивительным терпением и выносливостью голод, холод и скуку. В лесу, сидя на деревьях, скрытые густой листвой, в камышах, стоя часто часами по горло в воде. <...> Именно они были самыми докучливыми врагами русских»⁴⁸.

Никакая бдительность кордонной стражи не могла уберечь русских рубежей и порубежных жителей от бедствий, причиняемых им «хищниками». Как писал П.П. Короленко: «Темные и бурные ночи, прибрежные тростниковые и кустарниковые заросли и зимняя стужа, обледенившая быстрое течение Кубани, давали полную возможность хищным горцам

---

⁴⁴ Каширин, Муханов 2010. С. 73.

⁴⁵ Бязырова 2014.

⁴⁶ Каширин, Муханов 2010. С. 75.

⁴⁷ Анучин 2011. С. 28-29.

⁴⁸ Лапинский Теофил (Тефик-бей) 1995. С. 183.

переходить незаметно на нашу сторону для грабежей и разбоев»⁴⁹. Стычки с такими партиями черкесов продолжались беспрерывно, и, по свидетельству очевидцев, «в течение года не проходит и часа, в который враждующие стороны не обменялись бы десятью ружейными выстрелами»⁵⁰. Если «хищники» подъезжали к станицам, то иногда отгоняли стада и табуны или брали в плен попавшихся жителей, а потом стремительно возвращались в свои пределы, часто преследуемые казаками. Если планировалась военная операция против станиц и укреплений, то влиятельные среди черкесов люди объявляли на народном собрании «о намерении своем и необходимости для общей безопасности предпринять набег на Линию»⁵¹. В этом случае на таком собрании определялось, сколько всадников и пеших людей выставит каждое общество. Каждый воин должен был явиться на сборное место, которое указывал предводитель, с оружием, лошадью и запасами продовольствия.

Когда осуществлялся набег в виде военной операции, то его задачей было не столько получить добычу, сколько запугать русских поселенцев, сжечь их дома и посеять между ними панику, создать им невыносимые условия для существования. Проводя военную операцию против станиц, черкесы придерживались стратегии измора, совершая частые и скоротечные рейды на вражескую территорию. Они старались держать людей в систематическом напряжении и страхе, парализовать их хозяйственную деятельность в надежде на то, что русские поселенцы и войска уйдут, как это делали сами черкесы, сталкиваясь с аналогичными угрозами. Если целью атаки было укрепление, то черкесы стремились его разрушить, а гарнизон истребить, т.е. снова устроить и заставить уйти. Давая характеристику таким действиям черкесов, современный исследователь адыгского военного искусства А.А. Остахов подчеркивает, что «антикордонная война» черкесов была нацелена на уничтожение Кавказской линии, путем медленного истощения её потенциала⁵². Казаки не менее горцев были втянуты в набеговую систему войны, поскольку их давние традиции мало чем отличались от горских⁵³, а, кроме того, набег помогали им умерить пыл их беспокойных соседей, получить компенсацию за причиненный ущерб⁵⁴ и «чтоб нанести им поражение в сердце их оседлости»⁵⁵.

---

⁴⁹ Короленко 1896. С. 42.

⁵⁰ Лапинский Теофил (Тефик-бей) 1995. С. 183.

⁵¹ Анучин 2011. С. 29.

⁵² Остахов 2011. С. 21.

⁵³ Щербина 1913. С. 808-810.

⁵⁴ Лапин 2008. С. 335.

⁵⁵ Короленко П.П. 1896. С. 38.

Казачьим командирам удалось выхлопотать от Петербурга позволение «карать горцев в их земле тотчас же после каждого их нападения»⁵⁶. Пользуясь этим, кордонная стража ничем не стеснялась в преследовании и наказании горцев за чертой пограничной линии. При этом, как свидетельствовал Ф.Ф. Торнау, «схватки наших линейных казаков с горцами были беспощадны: обе стороны дрались под влиянием чувства личной ненависти и мщения за убитых братьев, за разграбленное имущество, за похищенных жен и детей»⁵⁷. Если казакам приходилось сталкиваться с абреками, самыми изощренными «хищниками», «когда сила брала, истребляли их до последнего человека. Ни казаки, ни черкесы никогда не просили и не давали пощады»⁵⁸.

Ходили в набеги против горцев и покорные русским черкесо-гаи или закубанские армяне, ранее жившие рассеянно среди разных горских народов. Генерал Г.Х. Засс собрал их вместе и поселил одним большим аулом Джаур-Хабль на левом берегу Кубани. Всех жителей данного аула к началу 1840-х гг. насчитывалось до 5000 чел. Проведя долгое время среди черкесов, закубанские армяне приобрели многие черкесские обычаи, но сохранили «по всей его силе промышленный дух, свойственный их племени и отличающий их и доныне»⁵⁹. Они вели торговлю среди горцев, говорили на их языках, имели в горах кунаков, хорошо знали горы и Закубанье, давали русским лазутчиков и выставляли милицию. Время от времени и с разрешения начальника Кубанской линии собирали партии для набегов на непокорные племена, для отмщения за грабежи, которым подвергались в горах, нередко отбивая большие табуны и стада.

Проводили набеги-экспедиции против горцев и армейские части Отдельного Кавказского корпуса. В Черкесии или Чечне эффект их был не всегда таким, на какой рассчитывало армейское командование. Если не удавалось застигнуть горцев врасплох, те успевали прятать свои семьи, пожитки и скот в горах или отдаленных лесных чащобах, оказывали жесткое сопротивление, а потом исчезали. Черкесы и чеченцы довольно легко расставались со своими прежними жилищами, возводя без особых трудов новые в скрытном отдалении от русских. В Дагестане, где в одном ауле могло проживать по нескольку сотен семей, ситуация была несколько иной. Разорение аула во время войсковой операции там всегда было тяжелым ударом для горцев, так как они в таких аулах

---

⁵⁶ Там же. С. 41.

⁵⁷ Торнау 1999. С. 211.

⁵⁸ Там же. С. 95.

⁵⁹ Анучин 2011. С. 17.

складывали свое продовольствие и их дома строились из камня⁶⁰. Во время таких экспедиций горцам некуда было отступать, а после всегда кровопролитного штурма селения могли быть разрушены настолько, что их возобновление на прежнем месте становилось невозможным из-за материальных и людских потерь, либо требовали весьма длительного времени и значительных трудов.

Несмотря на столь жесткие формы взаимодействия, какими были набеги, проводившиеся с обеих сторон, участники их многому учились и узнавали характер и особенности культуры друг друга. Обогащались не только военные приемы и опыт сторон, изменялось понимание Кавказа русскими, а русских – горцами. Возрастало любопытство с обеих сторон. Например, русские научились у черкесов их необыкновенному искусству «предсказания погоды – по полету бабочек и прыжкам кузнечиков, по состоянию полевых цветов, по цвету, густоте и протяженности облаков, окутывавших горы»⁶¹.

Среди офицеров русской армии и вообще дворян, бывавших на Кавказе, постепенно вошло в обычай, собирать горских детей-сирот и отправлять в гарнизоны или города на воспитание. Некоторые из горских детей отправлялись на воспитание в собственные семьи офицеров-дворян в Россию⁶², где впоследствии получали хорошее образование и знание российской имперской действительности. Как правило, по прошествии многих лет они возвращались в горы, не потеряв своего патриотизма, становились проводниками имперских смыслов в кавказскую среду. Пребывание среди русских, жизнь в Петербурге, Москве, участие в составе российских войск в европейских походах (Кавказский – Горский полуэскадрон в Польшу в 1830–31 гг. и в Венгрию в 1849 г.); знакомство с европейским образом жизни и яркими представителями русской культуры, светские знакомства, чтение разнообразной литературы, посещение театров, музеев, библиотек; обучение в университетах и гимназиях – всё вместе заряжало горцев новыми ценностями, на базе которых стала формироваться собственная горская интеллигенция, сыгравшая впоследствии роль просветителей своих народов.

Одним из таких мальчиков был 11-летний Лукман Кодзоков. Его привезла с Кавказа мать поэта А.С. Хомякова, ставшего ему крестным отцом. И.Л. Андроников, сообщал, что Кодзоков жил в доме Хомяковых в Москве, а лето проводил с ними в их тульском поместье Богучарове⁶³,

---

⁶⁰ Лапинский Теофил (Тефик-бей). 1995. С. 198.

⁶¹ Дегоев 2001. С. 209.

⁶² Андроников 1977. С. 508-510.

⁶³ Андроников 1977. С. 508.

«пользовался постоянною дружбою своего крестного отца, отдававшего ему значительную часть своего времени»⁶⁴. А.С. Хомяков для получения знаний жизни отправлял своего воспитанника в Петербург к своим друзьям – А.В. Веневитинову, которого просил помочь молодому черкесу советом⁶⁵. С 1830 по 1834 г. Л. Кодзоков обучался в частном учебном заведении профессора Павлова, где изучал языки: русский, латинский, греческий, французский, немецкий и английский; науки: закон божий, священную и церковную историю, физику, логику, риторику, географию, статистику, русскую и всеобщую историю, арифметику, геометрию, алгебру; искусствам: рисование и музыку. С 1834 по 1838 г. Л.М. Кодзоков проходил курс в Московском императорском университете, где слушал лекции вместе с Ф.И. Буслаевым, Ю.Ф. Самариным, М.Н. Катковым. Эти люди (Катков) были знакомы, участвовали в кружке Н. Станкевича и дружили с В.Г. Белинским. Среди знакомых Кодзокова были Т. Грановский, В. Боткин, М. Бакунин, братья Киреевские и Аксаковы – «в этой среде должен был сформироваться человек очень высокой культуры»⁶⁶, каким сделался Л.М. Кодзоков⁶⁷. В 1840-е гг. он вернулся в Кабарду.

Принятие горских детей-сирот в русские семьи на воспитание было довольно широко распространено по всей линии соприкосновения русских с горцами и продолжалось весь период вооруженного противостояния на Кавказе. Межкультурные взаимодействия часто осуществлялись скрытно в системе тайной локальности и латентности. Российские власти могли только догадываться по каким-то сопутствующим следствиям о существовании того или иного способа взаимодействия, отражавшегося в панораме событий, рождавшихся от активной деятельности русского мира в социальном пространстве Кавказа. Например, князь М.С. Воронцов, находясь в системе объективных и субъективных координат межкультурной коммуникации, активно искал путей воздействия и появления условий для созидающей интеграции России и Кавказа. Князь-наместник много и активно трудился, пытался понять и услышать Кавказ, пытался говорить ясно и отчетливо, артикулируя кавказскому миру цель России, и надеялся быть услышанным. Происходившие процессы не только определялись стихийными (естественными) факторами и ресурсами народного существования, но совершались также при благорасположении и одобрении наместника там, где он мог оказывать на них прямое или опосредованное влияние.

---

⁶⁴ Лясковский 1896. С. 355.

⁶⁵ Андроников 1977. С. 509.

⁶⁶ Там же. С. 511.

⁶⁷ Кумыков 1962.

Жившие в Тифлисе представители высшего грузинского и армянского дворянства быстро усвоили европейский костюм и образ жизни. Они старались если не перещеголять, то не отставать от русских в убранстве комнат, красоте экипажей или пышности туалетов⁶⁸. Люди, прибывшие с М.С. Воронцовым, и те, кто приезжал туда из столиц позже, вносили в жизнь городского общества новые понятия, взгляды, формы существования, стремления. Европейская культура постепенно стала теснить восточную патриархальность. Модистки из Одессы или Парижа прививали местным модницам вкус к европейским туалетам⁶⁹.

По свидетельству А.М. Дондукова-Корсакова, громкое и аристократическое имя князя Воронцова поглощало и сосредоточивало все интересы местного общества в его доме – «при дворе, как называли его на Кавказе. <...> Неминуемым следствием явилась роскошь в туалетах дам и во всей обстановке прежней Тифлисской жизни»⁷⁰. Своеобразной площадкой межкультурной коммуникации были обеды и собрания у князя-наместника. Здесь у М.С. Воронцова была возможность индивидуального подхода к тем людям, которые по своему местному статусу обладали большим влиянием на туземное общество. Вкрадчивостью и ласковостью обхождения он разворачивал их в сторону России порой более эффективно, чем самые громкие военные акции, проводившиеся суровыми генералами. В отличие от всех предыдущих главных начальников на Кавказе и в Грузии обеды во дворце князя Воронцова производили на всех, включая грузинских аристократов, которые были непременными их участниками, неизгладимое впечатление. Все, происходившее в резиденции наместника казалось местным жителям чем-то необычайным, сшитым по лекалам имперского петербургского света. Это льстило их самолюбию, а наместник, как бы ненароком, давал всем понять, что они уже суть части великой империи, и не просто части, а её избранные. Особенно избранных представителей местной аристократии князь-наместник соблазнял Английским клубом, который он устроил в своем дворце по образцу Петербургского и Московского, а также Одесского Английского «клуба», к учреждению которого Воронцов был причастен. М.С. Воронцов стремился сделать Тифлисский Английский клуб местом общественной и культурной жизни Кавказского края. Английский клуб был также инструментом по внедрению в умы туземной аристократии идей имперского монархизма.

---

⁶⁸ Ольшевский 2003. С. 294.

⁶⁹ Захарова 2001. С. 340.

⁷⁰ Дондуков-Корсаков 1903. С. 167.

Социокультурное пространство других кавказских городов складывалось на иной основе, не менее своеобразной, чем та, что складывалась в Тифлисе, но все они были сгустками цивилизационных инноваций, направлявшихся на преобразование кавказской жизни, и наиболее яркими центрами межкультурных контактов. Своеобразие кавказских городов хорошо понимали современники. Так, Н.И. Воронов отмечал: «Ставрополь по составу своих обывателей, оказывается городом <...> оригинальным, отступающим от мерки, прикладываемой <...> к другим собственно русским городам»⁷¹ в силу обстоятельств и места развития. Ставрополь, как город военный и вместе с тем губернский, представлял собой смешение разнообразного чиновного люда, гражданского и военного, которое само по себе дробилось на армейское, казачье, горское, «со всеми принадлежащими сюда штабами, комиссариатскими, провиантскими, гошпитальными чиновниками»⁷². Предприимчивые люди заводили разные промыслы и предприятия, в которых участвовали выходцы из всех сословий и народностей. Открывались разнообразные торги, лавки, устанавливались ярмарки, строились гостиницы и постоялые дворы, заполнявшиеся всяким приезжим людом, среди которого бывало много скупщиков продуктов сельскохозяйственного производства или купцов, привозивших в город разнообразные ткани, серебряные и золотые изделия. Город застраивался домами всякого предназначения и менял свой облик, становясь источником и активным проводником русского образа жизни.

Так происходило не только в одном Ставрополе, но и в других местах русского пребывания. Наблюдатель середины XIX в. отмечал, что все, кто посещал Георгиевск, Пятигорск, Владикавказ, Грозный и прочие места, видел города, оживленные торговлей и русской жизнью, а «там, где еще 25 лет тому назад стояли бедные избы и землянки, ныне воздвигнуты красивые здания»⁷³. Зримые перемены в материальном проявлении русского образа жизни, которые воплощались во внешнем виде городов, оформлении улиц бульварами и садами и другими материальными знаками довольства и достатка, стали привлекать к себе любопытство горских жителей, особенно дворянско-княжескую элиту. Те из них, кто находил в себе силы выходить за рамки своей традиционности и увидел новые возможности для себя в открытии русского мира, постепенно стали втягиваться в орбиту новых для них цивилизационных требований и общественного устройства.

---

⁷¹ Воронов 2011. С. 286.

⁷² Там же. С. 287.

⁷³ Очерки истории Ставропольского края. С. 179.

Межкультурные связи и отношения суть неизбежный атрибут человеческого существования, а потому местное население Кавказского края не могло избежать общения с русским миром, результатом которого сделалась взаимная аккультурация. В силу ограниченности социальных и иных ресурсов горский мир не имел возможности остановить культурную экспансию Российской империи, которая одновременно несла в горскую среду многочисленные элементы обновления, подрывавшего основы существования социальной архаики и традиционализма.

Российская культурная экспансия протекала в постоянном противоборстве, как с местной культурной локальностью, так и с претендовавшей на универсальность исламской культурной парадигмой, пытавшейся конкурировать с российским имперским социокультурным проектом. В свою очередь кавказский мир для русских был не только местом приложения их преобразовательных усилий, но и преобразовывал их самих. Многие русские обретали на Кавказе новое для них состояние социального бытия и состояния духа, выражавшегося в чувстве свободы от многих пут и социальных условностей, которыми изобиловала их прошлая жизнь, которую они вели до приезда на Кавказ. Само пространство кавказского мира, его реакция на приближение к нему мира России, самый экстраординарный способ его освоения, вылившийся в форму Кавказской войны – все эти обстоятельства порождали своеобразные, невозможные в других обстоятельствах площадки межкультурного взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акты, собранные Кавказской археологической комиссией (АКАК). Тифлис, 1866. Т. 1. 816 с.; 1881. Т. VIII. 1009 с.
- Андроников И.Л.* Лермонтов. Исследования и находки. М.: Худ. лит., 1977. 647 с.
- Аноев А.А.* Воспоминания о боевой службе на Кавказе // Военный сборник. 1877. Т. 114. № 4. С. 398-412.
- Анучин Д.* Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. 50 с.
- Арнольди М.* Боевое снаряжение Кубанского казачьего войска. СПб., 1890.
- Беляев А.П.* Воспоминания о пережитом и пережитом // Русская старина. СПб., 1881. Т. 32. № 9. С. 1-46.
- Бенкендорф К.К.* Воспоминания // Осада Кавказа. Серия: Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000.
- Бязырова В.* Кавказцы в аманатах. Сыны Кавказа в заложниках у российских захватчиков // URL: <http://iron-adnan.Livejournal.com/21920.html>.
- Вилинбахов В.Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. 2-е изд., доп. и испр. Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1982. 256 с.
- Воронов Н.И.* Ставрополь // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. / Под ред. проф. В.А. Шаповалова и проф. К.Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. Т. 2. С. 285-290.

- Гордин Я.А. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2008. 288 с.
- Гордин Я.А. Ничего не утаю, или Мир погибнет, если я остановлюсь. СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2008. 352 с.
- Грибоедов А.С. Сочинения в двух томах. М.: Изд-во «Правда», 1971. Т. 2. 368 с.
- Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М.: Русская панорама, 2001. 448 с.
- Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001. 374 с.
- Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания 1845–1846 гг. // Старина и новизна. Исторический сборник. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1903. Кн. 6. Ч. II. С. 41–215.
- Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845–1846 // Осада Кавказа. Серия: Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С. 408–505.
- Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001. 381 с.
- Захарьин Н.Н. Кавказ и его герои. Книга 1. Святыни, богатства и народы. СПб.: Тип. А.Е. Колпинского, 1902. 487 с.
- Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. II: 1851–1856 гг. СПб., 1879. 424 с.
- Каширин В.Б., Муханов В.М. Заложник двух владык // Кавказский сборник. М.: НП ИД «Русская панорама», 2010. Т. 6 (38). С. 63–115.
- Каченовский В. Первое знакомство с Кавказом // Военный сборник. 1863. № 7. С. 157–178.
- Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска (1696–1896). Исторический очерк. Екатеринодар, 1896. 101 с.
- Кумыков Т.Х. Жизнь и общественная деятельность Л.М. Кодзокова. Нальчик: Эльбрус, 1962. 80 с.
- Латин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. – СПб.: Европейский дом, 2008. 400 с.
- Латинский Теофил (Теофик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1995. 463 с.
- Ляковский В.Н. Алексей Степанович Хомяков. Его биография и его учение // Русский архив. 1896. № 11. Часть I. С. 337–402.
- Нефляшева Наима. Аманаты – политические заложники // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/10334>.
- Новикова-Зарина Е. Одиннадцать месяцев в плену у горцев // В плену у горцев. Вып. 5. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. 92 с.
- Обзор иррегулярных войск в Российской империи // Военный сборник. СПб., 1861. № 12.
- Ольшеский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. 608 с.
- Остахов А.А. Состояние военного искусства адыгов в XV–XIX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2011. 27 с.
- Очерки истории Ставропольского края: В 2 т. Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. Т. I. 462 с.
- Садохин А.П. Этнология. М.: Гардарики, 2001. 256 с.
- Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. М.: Альфа-М; Инфра-М, 2004. 288 с.
- Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1999. 507 с.
- Филипсон Г.И. Воспоминания // Русский архив. СПб., 1883. Т. 5. С. 73–200.
- Шамиль ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси: Госиздат Груз. ССР, 1953. 558 с.

Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т. II: История войны казаков с закубанскими горцами. (Репринт). Екатеринбург, б/и., 1913. 880 с.

REFERENCES

- Akty, sobrannyye Kavkazskoi arkheologicheskoi komissiei (АКАК). Tiflis, 1866. Т. 1. 816 с.; 1881. Т. VIII. 1009 с.
- Andronikov I.L. Lermontov. Issledovaniya i nakhodki. M.: Khud. lit., 1977. 647 s.
- Anoev A.A. Vospominaniya o boevoi sluzhbe na Kavkaze // Voennyi sbornik. 1877. Т. 114. № 4. S. 398-412.
- Anuchin D. Ocherk gorskikh narodov pravogo kryla Kavkazskoi linii. Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2011. 50 s.
- Arnol'di M. Boevoe snaryazhenie Kubanskogo kazach'ego voiska. SPb., 1890.
- Belyaev A.P. Vospominaniya o perezhitom i perechuvstvovannom // Russkaya starina. SPb., 1881. Т. 32. № 9. S. 1-46.
- Benkendorf K.K. Vospominaniya // Osada Kavkaza. Seriya: Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoi voiny XIX v. SPb.: Izd-vo zhurnala «Zvezda», 2000.
- Byazyrova V. Kavkaztsy v amanatakh. Syny Kavkaza v zalozhnikakh u rossiiskikh zakhvatchikov // URL: <http://iron-adnan.Livejournal.com/21920.html>.
- Vilinbakhov V.B. Iz istorii russko-kabardinskogo boevogo sodruzhestva. 2-e izd., dop. i ispr. Nal'chik: Izd-vo «El'brus», 1982. 256 s.
- Voronov N.I. Stavropol' // Opal'nye: Russkie pisateli otkryvayut Kavkaz. Anto-logiya: V 3 t. / Pod red. prof. V.A. Shapovalova i prof. K.E. Shtain. Stavropol': Izd-vo SGU, 2011. Т. 2. S. 285-290.
- Gordin Ya.A. Zachem Rossii nuzhen byl Kavkaz? Illyuzii i real'nost'. SPb.: ZAO zhurnal «Zvezda», 2008. 288 s.
- Gordin Ya.A. Nichego ne utayu, ili Mir pogibnet, esli ya ostanovlyus'. SPb.: ZAO zhurnal «Zvezda», 2008. 352 s.
- Griboedov A.S. Sochineniya v dvukh tomakh. M.: Izd-vo «Pravda», 1971. Т. 2. 368 s.
- Degoev V.V. Bol'shaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost'. Stat'i, ocherki, esse. M.: Russkaya panorama, 2001. 448 s.
- Degoev V.V. Imam Shamil': prorok, vlastitel', vojn. M.: Russkaya panorama, 2001. 374 s.
- Dondukov-Korsakov A.M. Moi vospominaniya 1845–1846 gg. // Starina i novizna. Istoricheskii sbornik. SPb.: Tip. M. Stasyulevicha, 1903. Kn. 6. Ch. II. S. 41-215.
- Dondukov-Korsakov A.M. Moi vospominaniya. 1845–1846 // Osada Kavkaza. Seriya: Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoi voiny XIX v. SPb.: Izd-vo zhurnala «Zvezda», 2000. S. 408-505.
- Zakharova O.Yu. General-fel'dmarshal sveteishii knyaz' M.S. Vorontsov. Rytsar' Rossiiskoi imperii. M., 2001. 381 s.
- Zakhar'in N.N. Kavkaz i ego geroi. Kniga 1. Svyatyni, bogatstva i narody. SPb.: Tip. A.E. Kolpinskogo, 1902. 487 s.
- Zisserman A.L. Dvadsat' pyat' let na Kavkaze. Ch. II: 1851–1856 gg. SPb., 1879. 424 s.
- Kashirin V.B., Mukhanov V.M. Zalozhnik dvukh vladyk // Kavkazskii sbornik. M.: NP ID «Russkaya panorama», 2010. Т. 6 (38). S. 63-115.
- Kachenovskii V. Pervoe znakomstvo s Kavkazom // Voennyi sbornik. 1863. № 7. S. 157-178.
- Korolenko P.P. Dvukhsotletie Kubanskogo kazach'ego voiska (1696–1896). Istoricheskii ocherk. Ekaterinodar, 1896. 101 s.
- Kumykov T.Kh. Zhizn' i obshchestvennaya deyatel'nost' L.M. Kodzokova. Nal'chik: El'brus, 1962. 80 s.

- Lapin V.V. *Armiya Rossii v Kavkazskoi voine XVIII-XIX vv.* SPb.: Evropeiskii dom, 2008. 400 s.
- Lapinskii Teofil (Tefik-bei). *Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba pro-tiv russkikh.* Na'l'chik: Izd. tsentr «El'-Fa», 1995. 463 s.
- Lyaskovskii V.N. *Aleksei Stepanovich Khomyakov. Ego biografiya i ego uchenie* // Russkii arkhiv. 1896. № 11. Chast' I. S. 337-402.
- Neflyasheva Naima. *Amanaty – politicheskie zalozhniki* // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/10334>.
- Novikova-Zarina E. *Odinnadtsat' mesyatsev v plenu u gortsev* // V plenu u gortsev. Vyp. 5. Na'l'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2011. 92 s.
- Obzor irregulyarnykh voisk v Rossiiskoi imperii // Voennyi sbornik. SPb., 1861. № 12.
- Ol'shevskii M.Ya. *Kavkaz s 1841 po 1866 god.* SPb., 2003. 608 s.
- Ostakhov A.A. *Sostoyanie voennogo iskusstva adygov v XV–XIX vv.* Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Pyatigorsk, 2011. 27 s.
- Ocherki istorii Stavropol'skogo kraya: V 2 t. Stavropol': Kn. izd-vo, 1986. T. I. 462 s.
- Sadokhin A.P. *Etnologiya.* M.: Gardariki, 2001. 256 s.
- Sadokhin A.P. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya.* M.: Al'fa-M; Infra-M, 2004. 288 s.
- Tornau F.F. *Sekret'naya missiya v Cherkesiyu russkogo razvedchika barona F.F. Tornau.* Na'l'chik: Izd. tsentr «El'-Fa», 1999. 507 s.
- Filipson G.I. *Vospominaniya* // Russkii arkhiv. SPb., 1883. T. 5. S. 73-200.
- Shamil' stavlennik sultanskoi Turtsii i angliiskikh kolonizatorov. *Sbornik dokumental'nykh materialov.* Tbilisi: Gosizdat Gruz. SSR, 1953. 558 s.
- Shcherbina F.A. *Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska. V 2-kh t. T. II: Istoriya voiny kazakov s zakubanskimi gortsami.* (Reprint). Ekaterinodar, b/i., 1913. 880 s.

Лазарян Сергей Степанович, кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, Пятигорский государственный лингвистический университет»; aflost@yandex.ru

Communication at the time of the Caucasian war (1817–1864)

In the article the Caucasian war of the XIX century is viewed not so much as a field of battle, where Russia and highlanders of Caucasus faced each other, but rather, as a special space of intercultural communication, shaped by local circumstances.

Keywords: Caucasian war, communication, social and cultural space, Russia, highlander societies, ethnic and cultural contacts, dialogue, adoption.

Sergey Lazaryan, PhD in History, associate professor, Pyatigorsk State Linguistic University; aflost@yandex.ru